

В.П. Мещеряков

Павел Петрович

КИРСАНОВ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ — центральный персонаж романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». В романе он является главным оппонентом и антагонистом Базарова.

Павел Петрович учился в Пажеском корпусе, потом поступил на военную службу, протекавшую в столице. «С детства отличался замечательною красотой; к тому же он был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно желчен — он не мог не нравиться». «Женщины от него с ума сходили, мужчины называли его фатом и втайне завидовали ему. <...> Павел Петрович ни одного вечера не проводил дома, славился смелостию и ловкостию (он ввел было гимнастику в моду между светскою молодежью) и прочел всего пять-шесть французских книг. На двадцать восьмом году от роду он был уже капитаном; блестящая карьера ожидала его».

Жизнь его изменилась чуть ли не в один день после того, как Павел Петрович влюбился в замужнюю княгиню Р., женщину страстную и странную, по светским понятиям. Роман этот не принес ему счастья. «Тяжело было Павлу Петровичу даже тогда, когда княгиня Р. его любила; но когда она охладела к нему, а это случилось довольно скоро, он чуть с ума не сошел». Ничто уже, кроме своей любви, не интересовало его.

Павел Петрович вышел в отставку, «попытался зажечь старую жизнь, но уже не мог попасть в прежнюю колею. Как отравленный, бродил он с места на место; он еще выезжал, он сохранил все привычки светского человека, он мог похвастаться двумя-тремя новыми победами; но он уже не ждал ничего ни от себя, ни от других и ничего не предпринимал. Он состарился, поседел; сидеть по вечерам в клубе, желчно скучать... стало для него потребностью — знак, как известно, плохой. О женитьбе он, разумеется, и не думал».

В 1848 году (разлуке с княгиней минуло уже десять лет) Павел Петрович узнал о ее смерти. «Потеряв свое прошедшее, он все потерял».

После того как Николай Петрович овдовел, Павел Петрович поселился вместе с братом в деревне и стал там жить безвыездно. «Он стал читать, все больше по-английски; он вообще всю жизнь свою устроил на английский вкус, редко видался с соседями и выезжал только на выборы...» От бывшего образа жизни Павел Петрович сохранил лишь привычку к «джентльментству» в быту (серебряный несессер, походная ванна, удивительно «благородные» духи, холеные ногти, газета на английском языке, лаковые полусапожки, снежной белизны манжеты и т.д.).

Несмотря на «англизованность» Павла Петровича, в нем постоянно проглядывает породистый русский барин. «Я эфтим хочу доказать, милостивый государь (Павел Петрович, когда сердился, с намерением говорил «эфтим» и «эфто»), хотя очень хорошо знал, что подобных слов грамматика не допускает. В этой причуде сказывался остаток преданий Александровского времени...».

В описываемое время «на вид ему было лет сорок пять; его коротко остриженные седые волосы отливали темным блеском, как новое серебро; лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное, и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом, являло следы красоты замечательной; особенно хороши были светлые, черные, продолговатые глаза. Весь облик Аркадиева дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большею частью исчезает после двадцатых годов».

Младший брат искренне во всем ставит Павла Петровича выше себя, да и сам он так думает. Однако каких-либо разногласий меж ними не существует. Отцовское имение они не стали делить. Павел Петрович не раз выручал брата, ссужая ему деньги на хозяйствен-

ные нужды, хотя «хозяйственные дразги наводили на него тоску; притом ему постоянно казалось, что Николай Петрович, несмотря на все свое рвение и трудолюбие, не так принимается за дело, как бы следовало; хотя указать, в чем собственно ошибается Николай Петрович, он не сумел бы».

Павел Петрович — подлинный антипод Базарова. Это проявляется во всем, начиная от одежды и кончая внешностью и образом мыслей. С самого начала между ними возникает взаимная неприязнь. Базаров находит, что дядя Аркадия чудаковат и классифицирует его как «архаическое явление». Павел Петрович в присутствии гостя почти сразу же почувствовал «тайное раздражение»: «его аристократическую натуру возмущала совершенная развязность Базарова».

Именно раздражение и побуждает Павла Петровича затеять с Базаровым ненужный и не слишком искусный спор, в котором молодой человек без труда побеждает. Павел Петрович, что называется, делает хорошую мину при плохой игре, когда, желая оставить за собой последнее слово, иронизирует: «Да, беда пожить этак годков пять в деревне, в отдалении от великих умов! Как раз дурак дураком станешь. Ты стараешься не забыть того, чему тебя учили, а там — хват! — оказывается, что все это вздор, и тебе говорят, что путные люди этакими пустяками больше не занимаются и что ты, мол, отсталый колпак. Что делать! Видно, молодежь, точно, умнее нас».

Базаров же с непрекаемой уверенностью изрекает, обращаясь к Аркадию: «Ты говоришь, что он несчастлив: тебе лучше знать; но дурь у него не вся вышла. Я уверен, что он не шутя воображает себя дельным человеком, потому что читает Галиньяшку и раз в месяц избавит мужика от экзекуции».

Чем больше Павел Петрович общается с Базаровым, тем сильнее становится его неприязнь к последнему. Он «всеми силами души возненавидел Базарова: он считал его гордецом, нахалом, циником, плебеем; он подозревал, что Базаров не уважает его, что он едва ли не презирает его — его, Павла Кирсанова!» Павел Петрович прямо сознается брату: «Ненавижу я этого лекаришку; по-моему, он просто шарлатан...» Павел Петрович уверен: «У нас еще будет схватка с этим лекарем, я это предчувствую». Собственно, речь здесь идет не столько о предчувствии, сколько о не до конца еще осознанном желании «поставить на место» самоуверенного «выскочку».

Раздражение — плохой советчик, да и, кроме расхожих истин, Павлу Петровичу особенно и сказать нечего. Он не может ничего существенного противопоставить базаровскому «отрицанию» и в сердцах переходит на личности. «Вот как должны современные молодые люди выражаться! И как, подумаешь, им не идти за вами! Прежде молодым людям приходилось учиться; не хотелось им прослыть за невежд, так они поневоле трудились. А теперь им стоит сказать: все на свете вздор! — и дело в шляпе. Молодые люди образовались. И в самом деле, прежде они просто были болваны, а теперь они вдруг стали нигилисты».

Несмотря на справедливость реплики Базарова («Вот и изменило вам хваленое чувство собственного достоинства...»), в словах Павла Петровича содержится и немалая доля правды. Достаточно вспомнить «взгляды» и «деятельность» Ситникова и Кукшиной.

Хотя Павел Петрович терпеть не может Базарова, он все же испытывает к нему какое-то «влечение, род недуга». «...Он иногда просил позволения присутствовать при опытах Базарова...» Но он ни при каких условиях не желал быть ни в чем зависимым от «лекаришки». Испытав «довольно сильный припадок», Павел Петрович «промучился до утра, но не прибег к искусству Базарова».

Павлу Петровичу удается взять верх над Базаровым, когда он становится невольным свидетелем поцелуя Базарова с Фенечкой. В данном случае Павел Петрович действует уверенно и хладнокровно, поскольку это хорошо знакомая ему сфера «джентльментства». Даже Базаров, искренне презирающий «аристократишку», думает, что Павел Петрович сумел повести дело пусть и «глупо», но все же «красиво».

Если не считать легкого обморока, приключившегося у Павла Петровича в результате ранения, на всем протяжении дуэли он ведет себя достойно, разве что несколько напыщенно (впрочем, манера поведения былых лет в новые времена всегда представляется жеманной или смешной). Однако сам Павел Петрович был собой недоволен. Он «старался не глядеть на Базарова; помириться с ним он все-таки не хотел; он стыдился своей заносчивости, своей неудачи, стыдился всего затеянного им дела, хотя и чувствовал, что более благоприятным образом оно кончиться не могло». На людях же Павел Петрович «смеялся, шутил, особенно с Базаровым; надел тонкую батистовую рубашку, щегольскую утреннюю курточку и феску, не позволил опускать шторы окон и забавно жаловался на необходимость воздержаться от пищи».

Та же дуэль заставила Павла Петровича во многом пересмотреть прошлое и настоящее. Может быть, впервые он понял, что растратил сильное и глубокое чувство на недостойного человека, но вычеркнуть из памяти княгиню Р. он все же не в состоянии. «Ах, как я люблю это пустое существо! – простонал Павел Петрович, закидывая руки за голову».

Теперь он опасается, что и брата может постигнуть любовная трагедия. «“Фенечка! – сказал он каким-то чудным шепотом, – любите, любите моего брата! Он такой добрый, хороший человек! Не изменяйте ему ни для кого на свете, не слушайте ничьих речей! Подумайте, что может быть ужаснее, как любить и не быть любимым! Не покидайте никогда моего бедного Николая!” <...> А в это мгновение целая погибшая жизнь в нем трепетала». Под влиянием пережитого он и брата уговаривает жениться на Фенечке, хотя прежде и думать об этом не желал.

Разумеется, полностью Павел Петрович измениться не может. В финале романа Павел Петрович предстает похудевшим, что, «впрочем, – с привычной иронией комментирует Тургенев, — придавало еще больше изящества и грансенъорства его выразительным чертам...» И далее: Павел Петрович, «выпивая вторично налитый бокал, проговорил с глубоким вздохом: “Будьте счастливы, друзья мои! Farewell!”¹ Этот английский хвостик прошел незамеченным, но все были тронуты».

Покинув отечество, Павел Петрович живет «в Дрездене, где знается больше с англичанами и с проезжими русскими. С англичанами он держится просто, почти скромно, но не без достоинства... С русскими он развязнее, дает волю своей желчи, трунит над самим собой и над ними; но все это выходит у него очень мило: и небрежно, и прилично. Он придерживается славянофильских возрений; известно, что в высшем свете это считается *tres distingué*². Он ничего русского не читает, но на письменном столе у него находится серебряная пепельница в виде мужицкого лаптя». Заканчивается повествование о Павле Петровиче на серьезной ноте: «Он все делает добро, сколько может; он все еще шумит понемножку: недаром же он был некогда львом; но жить ему тяжело... тяжелей, чем сам он подозревает... Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...»

¹ Прощайте! (англ.)

² Весьма почтенным (фр.)